

Русские и китайские заклинания от ночного детского плача

ШЭНЬ ЦЗЯЧЭН

В статье анализируются русские и китайские заклинательные тексты, направленные на противодействие злым силам, которые, по народным верованиям, являются причиной ночного детского плача. Отдельно характеризуются китайские талисманы, выполняющие в сфере традиционной культуры аналогичную функцию.

Ключевые слова: ночной детский плач, ночные демоны, заклинания, талисманы, русская культура, китайская культура.

The article analyzes Russian and Chinese incantation texts aimed at countering the evil forces that, according to popular beliefs, cause nighttime baby crying. Chinese talismans that perform a similar function in the sphere of traditional culture are also described.

Keywords: nighttime baby crying, night demons, incantations, talismans, Russian culture, Chinese culture.

Заклинания как сакральные тексты, основанные на вере в магическую силу слова, используются в различных сферах и с разными целевыми установками, но чаще всего к ним прибегают для защиты от многочисленных негативных воздействий. В сфере народной духовной культуры различные негативные представления отчетливо персонифицируются, то есть воплощаются в демонических антропоморфных существах, которые осмысливаются как источники неприятных ситуаций, несчастных случаев, болезни и смерти. Сравн.: «Болезнь человека – состояние, воспринимаемое в народной культуре как результат действия демонов болезней, другой нечистой силы, ведьм, колдунов, людей с дурным глазом» [1, с. 225].

Ночной детский плач в русской (шире – в восточнославянской) традиции также однозначно понимался как следствие воздействия на детей демонических персонажей, которые проявляют свою вредоносную активность именно ночью. Для названия ночных демонов, нападающих на детей и лишаящих их сна, русские использовали термины *ночницы* и *криксы*. Согласно народным верованиям, *ночницы*, появляясь из лесу, из болот, проникают в дом через дымоход и окна и нападают на младенцев: пугают их, щекочут им пятки, дергают за волосы, глядят им в глаза, не дают спать. Остерегаясь *ночниц*, матери после захода солнца не оставляли на дворе пеленки, не выносили ребенка, не купали детей и не стирали пеленок в «ночной» (простоявшей ночь) воде [2, с. 436–437].

Наиболее действенной формой защиты детей от *ночниц* считалось при этом произнесение соответствующих заклинаний, структура которых предполагает наличие обращения к обладающему магическими свойствами персонажу и выраженной в форме императива просьбы (приказания). Так, в следующем случае субъект заклинательного текста обращается непосредственно к самим демоническим существам – *ночницам*, перечисляя их виды (источники возникновения) и отсылая их в отдаленное, необжитое пространство: *А вы, ночницы – полуночные, завистные, радостные, урочные, от злого человека – идет е на мхи, на болот а, на гнилые колоды: вам всем там мест о, вам в белом т еле не бывать. Идет е из белого т ела раба (имя)!* [3, с. 233].

Функцию объекта в заклинании от детской бессонницы может выполнять природный помощник, с которым заклинатель вступает в договорные отношения и предлагает «породниться» в обмен на устранение *полуночника*, то есть полуночного детского плача. При этом место, куда должен быть доставлен *полуночник*, характеризуется как безжизненное пространство: *Матушка зарница, красная девица! У тебя есть дочь, у меня есть сын. Будем свататься, будем брататься. Сними с раба Божьего Василия полуночник полуночный, полуденный, утренний, ночной, денной. Сними, унеси за тридевять земель, в царство, где птице нет полёту, зверю нет проходу – там ему место* [4, с. 409]. Тот же магический помощник представлен в заклинании, где *криксы* наделяются определениями, указывающими на источ-

ник их возникновения, и отсылаются в места их первоначального нахождения: *Заря-зарница, красная девица, возьми ты криксу рабе (имя) и денную, и ночную, и полуночную, и полуденную, и глазную. Откуда ты шла – туда ты и ступай: с лесу шла – на лес ступай, с поля ты шла – в поле ступай, с саду шла – в сад ступай, с лугов ты шла – на луга ты ступай, с моря ты шла – на море ступай; рабе (имя) покой и смиренность дай* [3, с. 232]. Сакральная значимость и «эффективность» заговорного текста повышаются за счет использования имен собственных для названий помощников, употребления мифонимов (*полуночник* и *щекотун*) и соматической лексики, указывающей на локализацию недуга: *Матушка заря утренняя Мария и вечерняя Маремьяна, придите к нему, к рабу Божию, ко младенцу, возьмите вы у него полуночника и щекотуна из белого тела, из горячей крови, из ретивого сердца, из всей плоти, из ясных очей, из черных бровей, из всего человеческого состава, из каждой жилочки, из каждой косточки, из семидесяти семи жилочек, из семидесяти семи суставчиков. Понесите их за горы высоки, за леса дремучи, за моря широки, за реки глубоки, за болота зыбучи, за грязи топучи, к щуке-белуге в зубы. Понесите ее в сине море!*» [5, с. 32–33].

Особый интерес представляет заклинание от детской бессонницы, которое произносилось в курятнике и основывалось на обращении к курам, поскольку куры воспринимались как существа, обладающие способностью рано засыпать: *Куры рябые, куры серые, куры черные, возьмите свои криксы от крещеного, нарожденного, молитвенного раба Божия, младенца (имя), отдайте наш сон* [5, с. 33].

Традиционной китайской культуре также известны заклинательные тексты, целью которых является противодействие злым духам, беспокоящим детей ночью и вызывающим ночной детский плач. Рассмотрим следующее заклинание, считающееся «широко распространенным в народе»: 天皇皇, 地皇皇, 我家有个夜哭郎, 过路君子念一遍, 一觉睡到大天亮. = *Небо-император, земля-император! В моем доме ребенок плачет по ночам. Добрый человек, проходящий мимо, произнеси эти слова один раз, и ребенок крепко уснет до утра* [6, с. 279]. Очевидно, что в данном заклинании содержится обращение к высшим небесным и земным силам, которые могут помочь при содействии *цзюнь цзы* 君子 – благородного, добродетельного человека.

Значительно большим магическим воздействием обладает, как можно предполагать, следующее заклинание, которое в ситуации ночного детского плача следовало произнести семь раз: 天皇皇, 地皇皇, 吾家有一个夜啼郎, 專司收捉夜啼鬼, 靈符鎮房, 睡天光. 吾奉太上老君東神兵火急急如令 [7, с. 105]. «Констатирующая» часть этого заклинательного текста полностью совпадает с «зачином» предыдущего заклинания: 天皇皇, 地皇皇, 吾家有一个夜啼郎 (= *Небо-император, земля-император! В моем доме есть плачущий по ночам ребенок*). Однако в дальнейшем субъект заклинания берет инициативу на себя, сообщая о своих намерениях магического противодействия данной ситуации: 專司收捉夜啼鬼, 靈符鎮房, 睡天光 (= *Для того, чтобы поймать демонов, вызывающих ночной плач, я размещаю в комнате магический талисман, чтобы ребенок спал до рассвета*). В завершающей части заклинательного текста заклинатель заручается покровительством высшего даосского авторитета – Лао-цзы 老子 – и обращается за помощью к высшему божественному воинству и к огню как одной из основ мироздания и могучей природной стихии: 吾奉太上老君東神兵火急急如令, 口念七遍 (*Как повелевает Верховный владыка Лао-цзы, я призываю божественные войска и огонь и действую с величайшей поспешностью, как велит закон*).

В качестве иллюстрации к рассмотренному заклинательному тексту приведен рисунок упомянутого в тексте талисмана, размещенного в комнате, где плачет ребенок. В верхней части рисунка изображена голова, указывающая, очевидно, на связь с Верховным владыкой Лао-цзюнем (Лао-цзы), что, без сомнения, придает талисману исключительно высокий магический статус. Расположенная ниже (по вертикали) конструкция (收捉夜啼鬼書) переводится как Документ для поимки демонов, вызывающих ночной детский плач (рисунок 1).

Об «официальности» данного микротекста свидетельствует наличие в его нижней части загадочного символа , который представляет собой трансформированное сочетание двух иероглифов (𠄎 и 印), образующих словосочетание *ган инь* 𠄎印 ‘печать силы’ (рису-

нок 1). Академик В.М. Алексеев, который впервые в российской синологии дешифровал даосские талисманы, подчеркивал значимость изображения на них печатей: «В народе, приученном долгим опытом к тому, что значит чиновничья печать, даваемая для исполнения, главным образом, приговоров над арестованными, создавалась мысль о том, что и бесам эта печать может внушить ужас» [8, с. 7].

Очевидно, таким образом, что в традиционных верованиях китайцев функцию эффективных средств, успокаивающих плачущих ночью детей, выполняли не только заклинания, но и наделенные магическими свойствами предметы – талисманы, которые в даосизме определяются как «средства, позволяющие усмирять демонов, излечивать болезни и предотвращать бедствия». На талисманах – узких полосках бумаги или шелка – обычно представлялись «загадочные иероглифы и изображения, символизирующие духовную силу, которую люди надеются использовать для преодоления зла и бедствий в реальной жизни» [9, с. 244]. Так, для детей, которые плохо спят и плачут ночью, рекомендовалось прикладывать к ладоням написанные талисманы: «Напишите чернилами на маленьком красном листке бумаги, затем приложите к ладони ребенка. Мальчикам прикладывают к левой ладони, девочкам – к правой» [10, с. 247].

Рассмотрим содержание еще двух талисманов, использующихся для противодействия злым духам, вызывающим детский ночной плач (рисунки 1–3).

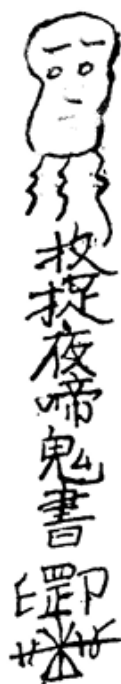

Рисунок 1 – Талисман, защищающий от ночного детского плача [7, с. 105]

Рисунок 2 – Талисман от ночных демонов [10, с. 247]

Рисунок 3 – Талисман для подавления злых духов [14, с. 53]

Талисман, представленный на рисунке 2, «нарисован тушью на желтой бумаге специально для защиты от ночного плача детей и располагался перед детской кроватью» [10, с. 325]. В верхней части талисмана совмещены два иероглифа – *лэй* 雷 ‘гром’ и *лин* 令 ‘приказ’, составляющих словосочетание *лэйлин* 雷令 ‘громовой (молниеносный, категорический) приказ’. Далее на этом талисмানে изображены иероглифы, обладающие очень высокой апотропейной значимостью. Так, внешний вид иероглифа *тянь* 田 ‘поле’ напоминает решетку – символ нейтрализации и даже уничтожения злых духов и опасных животных. Показательный пример защитного использования этого иероглифа содержится в книге Гань Бао «Записки о поисках духов»: «Лю Жоу, человек из Гаопина, как-то ночью спал, и крыса укусила его за средний палец левой руки, что было для него очень противно. Он обратился к Чжи, который после гадания объявил ему: “Крыса эта хотела вас убить, но не смогла. Мы

должны заставить смерть обратиться на нее самое». И вот он на три цуня выше локтевого сплетения начертал красным некоторое подобие иероглифа “поле” – квадрат со стороной один цунь и два фэня – и велел в ту же ночь лечь, как бы заснув, и вытянуть руку. Появилась большая крыса, легла, растянувшись вдоль руки, и сдохла» [11, с. 92]. Следующий далее символ – ☰ – одна из триграмм *ба гуа* 八卦, обозначающаяся иероглифом *цянь* 乾, представляет собой соединение трех сплошных («янских») линий, является символом неба, воплощением активной энергии и определяется как «наивысшая сила Поднебесной» [12, с. 138]. Защитную магическую функцию выполняет и расположенное ниже словосочетание *шанху* 尚虎 (букв. *почитаемый тигр*), в котором ключевое слово – *ху* 虎 ‘тигр’ является носителем архаичной культурной семантики: «Для китайцев тигр символизировал мощь, бесстрашие и жизненную силу, поэтому его использовали как символ защиты от злых духов, люди помещали его изображение над передней дверью» [13, с. 46].

Более простым, но не менее выразительным является изображенный на рисунке 3 талисман, который «использовался для подавления злых духов и избавления от плохих снов», на что указывает пояснение внизу: 治夜梦不详之符 (*Талисман, избавляющий от зловещих ночных снов*). В верхней части (то есть в начале, в «сильной позиции») этого талисмана изображены соединенные между собой кружки, символизирующие отдельные звезды и созвездия. Данный талисман, «содержащий астрономические символы», иллюстрирует широко известные представления: «Древние верили, что всё в человеческом мире связано со звездами, что звезды определяют судьбу человека и могут подавлять злых духов» [14, с. 53]. Особенность рассматриваемого талисмана заключается в передаче идеи постепенного ослабления и окончательного физического «разрушения» ночных демонов, воплощением которых является иероглиф *гуй* 鬼 ‘нечистый дух’, ‘демон’. Очевидно, что названная идея выражается трехступенчатой структурой талисмана, которую воплощает перевернутый вниз вершиной треугольник: на начальном этапе под воздействием созвездий находятся три иероглифа *гуй* 鬼, начертание которых соответствует общепринятым нормам; на втором уровне остается только два таких иероглифа, представленных, однако, в трансформированном графическом облике; иероглиф *гуй* 鬼, находящийся на третьем (нижнем) уровне, демонстрирует свое полное «разрушение»: его верхняя часть вообще отделена от измененной нижней части. Подобная «экзекуция» данного иероглифа неизбежно ассоциируется с обезглавливанием, поскольку этимологически этот иероглиф восходит к изображению человека: «По эволюции иероглифа *гуй* 鬼 можно понять, что в верованиях древних *гуй* представлял собой не что иное, как человека с большой головой» [15, с. 206].

Сопоставление русских и китайских заклиний от ночного детского плача демонстрирует, наряду с некоторыми чертами сходства, значительные различия, состоящие прежде всего в использовании в китайской традиции даосских талисманов, которые наделялись способностью магического воздействия на злых ночных духов.

Литература

1. Агапкина, Т. А. Болезнь человека / Т. А. Агапкина, В. В. Усачева // Славянские древности : Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1995. – Т. 1. – С. 225–227.
2. Виноградова, Л. Н. Ночницы / Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая // Славянские древности : Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 2004. – Т. 3. – С. 436–437.
3. Попов, Г. Русская народно-бытовая медицина : По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева / Г. Попов. – СПб. : Типография А.С. Суворина, 1903. – 404 с.
4. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока : Песни. Заговоры / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. – Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. – 605 с.
5. Майков, Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. – СПб. : Тип. Майкова, 1869. – 164 с.

6. 戚端. 中古医籍禁咒方语言特征探析 = Ци, Дуань. Анализ языковых особенностей тайных заклинаний в древних медицинских текстах / Ци Дуань // Вестник Нанкинского университета китайской медицины. – 2021. – Т. 22, № 4. – С. 277–281.
7. 张天师 (张道陵) = Небесный Наставник Чжан (Чжан Даолин). Полное собрание талисманов и заклинаний Небесного Наставника Чжана. – Сиань : Издательство Шанси, 1993. – 315 с.
8. Алексеев, В. М. О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народными картинами и амулетами / В. М. Алексеев // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. – СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1912. – Том двадцатый. 1910. – С. 1–76.
9. 张梦道. 图解道教、 = Чжан, Мэнсяо. Даосизм с иллюстрациями / Чжан Мэнсяо. – Пекин : Изд-во «Цзыту», 2013. – 333 с.
10. 元光. 符咒图典精华 = Юань, Гуан. Сущность талисманов и заклинаний. Иллюстрированное издание / Юань Гуан. – Сиань : Изд. дом «Туризм провинции Шэнси», 2007. – 379 с.
11. Гань, Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Гань Бао ; пер. с древнекит., предисл., прим. и словарь-указ. Л. Н. Меньшикова. – СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. – 576 с.
12. Еремеев, Е. Е. Символы и числа «Книги перемен» / Е. Е. Еремеев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Ладомир. 2005. – 600 с.
13. Сащенко, М. В. Символика образов тигра и дракона в политической культуре Китая / М. В. Сащенко // Гуманитарный акцент. Ежеквартальный научный журнал. – 2018. – № 4. – С. 45–49.
14. 胡昌善. 咒语破译 = Ху, Чаншань. Расшифровка заклинаний / Ху Чаншань. – Пекин : Изд-во соц. наук Китая, 1993. – 237 с.
15. Сюй, Хуэй. Этимология китайских иероглифов. Сто самых важных китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Сюй Хуэй ; пер. с кит. Е. А. Кузьминой. – М. : ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 423 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 21.02.2026